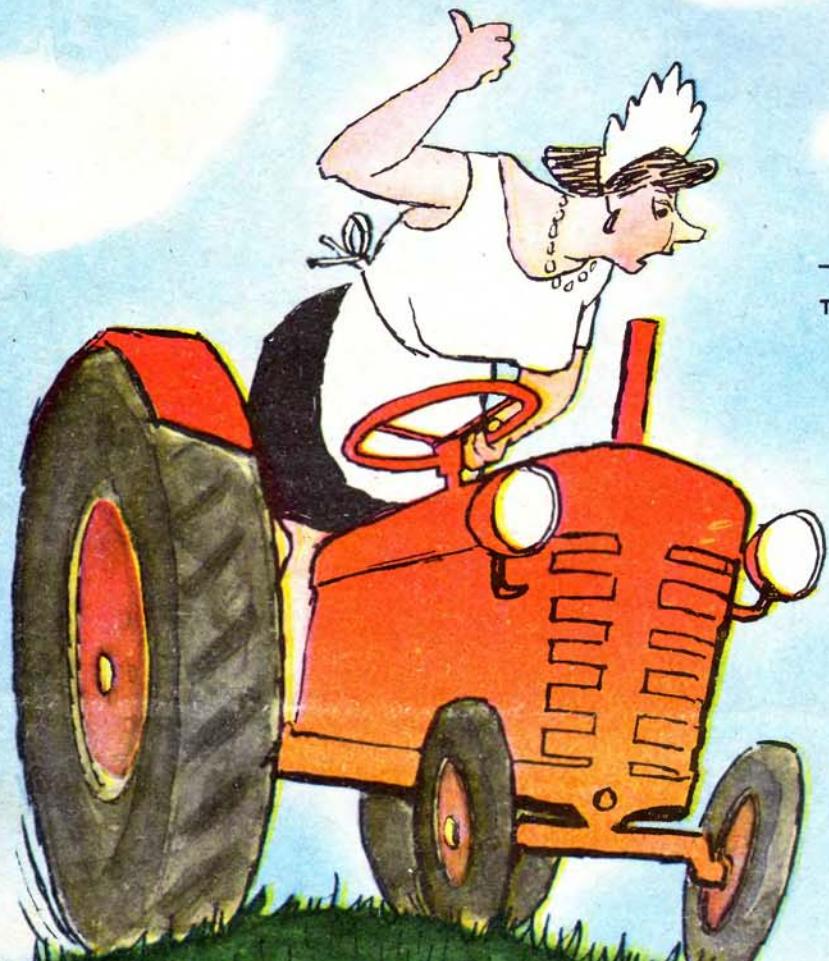

КРОДКОДАМ

16
ИЮНЬ 1969

— ...и заберите вашего тракториста из чайной!

Рисунок Бориса ЛЕО

Сначала о финале. Это, наверное, может озадачить. Кто же смотрит пьесу с конца? Но именно здесь драматург устами своей герони разъясняет, каков его главный замысел: «Я только теперь поняла, что такое война. Сколько же горя от нее на земле!»

Итак, речь идет о минувшей войне. Замахиваться фельетонной палицей на такую тему — не сощущенно ли это? Но похоже, что и сами действующие лица не очень щепетильны на этот счет. Один герой смакует: «Была в жизни у меня не одна женщина. Хорошо это или плохо — не знаю, как говорится, война все спасла». Второй персонаж подбивает итог: «...Меня когда-то в армии «Соня-катапулька» не напрасно прозвали... Четыре мужа у меня было... Последний, когда распisyвались, так и сказал: «Знаю, что погибну, но любовь сильнее».

Но, может, драматург подтрунивает над своими созданиями? Может, он просто дает повод своей героине Наташе заявить: «...неужели они в самом

отца, готова назвать его мерзавцем? Видимо, потому, что сами проблематичные отцы не очень высокого духовного качества. Перед нами дефилирует шеренга бывших воинов. Но, боже мой, что сталось с ними за прошедшие мирные годы!

Вот папа I, отставной полковник Федор Федорович Коваленко, отмачивающий со скучн тонкие сентенции: «Все изменилось, а женщина осталась женщиной, даже если ее в буденновский шлем одеть, в Президиум Верховного Совета посадить или в космос запустить... Не убеждай себя, что эта женщина никогда тебя не полюбит, какой бы неприступной она ни казалась,— это может случиться через полчаса. Стоит ли удивляться, если даже у ближайшего окружения этого психолога верится на языке вопрос: «Слушай, дед, ты случайно не пошли?»

Папа II, он же Федор Иванович Коваленко, был во время войны «штаба Десятой... орденоносный парикмахер» и на этом поприще, как он скромно признается, «очень много сделал для поднятия боевого духа наших офицеров». Но вот какая жестокая обида: «Мало нас чествуют, героев войны!» Впрочем, хорошо хоть, что «медаль в честь Победы выпустили. Еще одна колодочка будет. А то маловат иконостас».

Одолевает его круглосуточно и другая проблема: пусть ли по забору личного садика колья проволоку? С одной стороны, нехорошо, что «несовершеннолетние хулиганы» нюхают цветы и тем самым «не дают расцветать моим высоким эстетическим порывам». С другой же стороны, как депутат поселкового Совета, он полагает, что «колья проволока — это некрасиво. Напоминает концлагерь». В общем, что и говорить, страсти почти шекспировские!

Папу III, то бишь художника Федора Семеновича Коваленко, мы застаем в момент творческого экзита. Тайком от жены — директора универмага, заставляющей его расписывать прозаический торговый интерьер, он создает поэтическое полотно. По идеи оно должно изображать обнаженную девушку, тянувшуюся к солнцу, словно березонька. Но крайняя застенчивость этого художника-профессионала заставляет натурачку обрядиться в «бикини», а при первом стуке в дверь и вовсе спрятаться в шкаф.

Эта фарсовая ситуация вызывает у девушки сомнения в способностях хозяина: «Как странно, жены боятся, меня, дуру, в шкаф спрятал, и хороший художник!» Но, к счастью, сила искусства неотразима. Увидев полотно со своим изображением, натурачка решает добиться цели: «Жена, заказчики, милиция, пожар, землетрясение — работаем... Я раздеваюсь!»

Наш бывший фронтовик и впрямь малость трусоват. Только было Наташа заинтриговалась насчет его возможного отцовства, как он затрепетал, словно листик на той самой березоньке: «Я не имею никакого отношения ни к вам, ни к вашей маме. Я солидный, женатый, многодетный человек высокой морали».

Папа IV, он же Федор Алексеевич Коваленко, личность еще более колоритная. Боевой в прошлом сержант, он нынче служит дьяконом. Этот биографический факт уже двадцать лет смущает дьяконицу, так как мешает ее карьере: «В нашем ателье я скоро бригадиром бригады коммунистического труда стану!» Но эта бедняжка нервничает. Хоть дьякон и способствует своим мощным басом распространению религиозного дурмана, в душе он безбожник: «Я артист, а не служитель культа... В консерваторию меня не приняли, говорят—поздно, а в храме распахнули объятия... Попы, правда, прививые, с их лицемерием божественным».

Легко догадаться, что Наташу не устраивает такой родитель. Она вообще начинает сомневаться, надо ли бегать

по городу, чтобы получить ответ на вопрос: «...кто из этих четырех сытых, благополучных, самодовольных эгоистов будет отец?» Сомневается и зритель: действительно, надо ли было бегать?..

Но драматург не так-то прост. Оказывается, в городе проживает еще один Коваленко. Он и есть подлинный отец девушки. Тяжелые фронтовые ранения приковали его к госпитальной койке. Вот почему свято хранят его тайну боевые друзья... И финальное свидание с родителем, который, несмотря на трагизм положения, сочиняет лирические песни, заставляет Наташу внезапно перестроиться и пересмотреть ошибочные взгляды на поколение отцов: «...каждый хорошо знает, для чего он жил... Под Новый год они надевают гимнастерки с орденами и поют вместе!»

Тут занавес падает. Пора перейти к шумным аплодисментам. Но почему-то не хочется переходить. Хочется задать несколько наивных вопросов.

Зачем показал драматург это сентиментальное путешествие? Неужели для того только, чтобы под грубой бравадой Наташи мы могли разглядеть нежное сердечко, открытое добро?.. К чьему он берет со своей палицы одни серьезные краски и рисует то мещанинство пошляка, то чувствительного труса, то вульгарного циника? Неужели для того, чтобы под мундиром отставников, которые «постарели», может быть, даже погуляли, стали старомодными, иногда смешными», обнаружилась благородная солдатская душа?.. Дело не в том, что автор перебрал по части пороков, а в том, что он любуется ими. Нет, сколько ни старается драматург уверить нас, что ягодки в этих крепких орешках чисты и нежны, в итоге остается клубничный привкус пошлой сентиментальности.

Быть может, не стоило приковывать внимание читателя к этой пьесе. Но в ней видится определенная тенденция. Вопреки утверждению Наташи, вынесенному нами в эпиграф, на сцены ряда театров пробились пьесы, в которых заметно авторское стремление выжить из зрительских очей мелодраматическую слезу. Эти произведения импонируют на первый взгляд видимостью бытреализма. Но, ежели взглянуть, их персонажи твердят о мнимых проблемах и истолковывают все с позиций своего мещанинского микромира.

А между тем нельзя миновать тот статистический факт, что, скажем, только в Российской Федерации 37 театров извязали зрителю «Сохраня мою тайну» (она же «Далекие окна») в качестве премьеры текущего сезона.

Я спросил нескольких главрежей: чем объясняется такой взрыв постановочного энтузиазма?

— Знаете, — замявшись, — ответили они, — публике немного приелись трагедии о Нео-Гамлетах с их интеллектуальными подтекстами: «Быть или не быть? Лазер или мазер?..» А тут нечто земное, эмоциональное, неравное... Не беспокойтесь, пошликочку мы приглушили, благородство высветили...

Верно, в дело пошла светотехника, и подругу были мобилизованы музыканты, режиссеры поломали головы над мизансценами... Но едва произносится текст, как все постановочные хитрости оттесняются за кулисы, а на первый план вылезают фарсовые страсти.

Да, быть может, не стоило приковывать внимание к этой пьесе. Тем более, что зритель ведет себя выше всех похвал. Он не стучит ногами, не требует обратно деньги за билет. Он только пишет письма, вроде того, какое прислали юная читательница из Воронежа: «Смотрела спектакль... Смеялась и плакала. Смеялась над убогостью замысла, плакала над богом забытой девушкой... Как быть?»

Что посоветовать? Смеялась — это, наверное, правильно. Плакала? Не плачь, дитя, не плачь напрасно!

ЯН ПОЛИЩУК

НЕ ПЛАЧЬ, ДИТЯ, НЕ ПЛАЧЬ НАПРАСНО!!

«НАТАША. Мелодрамы в наше время не в моде»
(«Сохрани мою тайну»)

деле воевали, наводили переправы под огнем, стояли насмерть?..»

Впрочем, тут самое время познакомить вас со сквозным действующим лицом пьесы Вадима Собко «Сохрани мою тайну» — Наташей Логвинчук.

Ежели говорить о внешности, то Наташа, что называется, шик-модерн. Моральные устои у нее соответственно шаткие. Едва с нею заговорил незнамо-комец, как это дитя века отчитывает его за робость: «Вы случайно не забыли, что мы с вами живем в конце шестидесятых годов двадцатого столетия?.. Тогда надо приглашать прямо в ресторан, а потом в свою холостяцкую квартиру...»

Зритель шокирован. Он надеется, что девушка иронизирует над обывательскими представлениями о современной молодежи. Но, увы, Наташа намекает насчет квартир не для смеха...

Что же делает девушка в «большом свете городе», куда ее командировал драматург? Главное ее занятие — это поиск отца. Когда-то мать Наташи, медсестра Анна Логвинчук, полюбила Федора Коваленко, служившего в Десятой ударной армии. В результате романского брака родилась, как самоучитель житейски называет себя героника, «полно-полевая дочь». Лиши перед смертью Анна открыла дочери место пребывания отца. И вот теперь бедное дитя мыкается по городу, так как здесь — такова прихотливая воля драматурга — живет несколько Федоров Коваленко.

А что же, собственно, надобно Наташе от родного папы? Может, она хочет истребовать алименты? Вовсе нет. Девушка ограничивается минимумом: «Я просто хочу взглянуть ему в глаза. Посмотреть, понять маму и уйти!»

В этом скромном желании, конечно, есть что-то умилительное. Но тогда почему, имея столь ограниченную задачу, Наташа, едва увидев предполагаемого

ИГРОК В ПОКЕР ИЗ ДАЛЛАСА

Нет, нет, Гарольдсон Лафайет Хант из Далласа, штат Техас, не имеет основания жаловаться на бедность. Говорят, что его состояние оценивается более чем в миллиард долларов. Он владеет нефтеносными землями от Техаса и Монтаны до Кувейта и Ливии. На его пастибах — бесчисленные стада коров и овец, ветерок уважительно колышет цитрусовые и ореховые рощи, принадлежащие опять же мистеру Ханту. Если к этому добавить мясные и консервные комбинаты, а также фармацевтические предприятия, то вам станет предельно ясно, отчего мистер Хант не принимает участия в походах бедняков на Вашингтон.

Но несметные богатства не приносят этому техасскому краю душевного спокойствия. Джентльмену из Техаса мерещатся коммунисты, которые, притянувшись за каждой нефтяной вышкой и под каждым лимонным кустом, замышляют отнять его богатства. Он так напуган «красным заговором», что не доверяет даже другим мультимиллионерам, если они не разделают его бредовых идей. Десять лет назад он писал одному из друзей, что взгляды многих богатых американцев в результате «красного заговора» становятся подозрительно розовыми. Заговорщики, писал он, «нанимаются наёмниками с младенцами, которым предстоит унаследовать капиталы своих родителей». Красные, по словам Ханта, путем хитроумнейших интриг затащивают под венец женщины-миллионерок, а если драгоценные дамы уже замужем, то коммунисты их соблазняют. Заговорщики, предупреждал он дальше, «не упустят возможности влезть в доверие и к старикам».

Мистер Хант, приближающийся сейчас к своему восемидесятилетию, счастливо избежал этой последней опасности. Тому свидетельство — его оголтелая антикоммунистическая деятельность.

Если кто-либо Соединенных Штатов заслуживает называться богом и заступником ультраправых и архипоборником фанатизма и мракобесия, так это мистер Хант.

Он поддерживает любого политического авантюриста, который, как он надеется, способен избавить страну от «красного заговора» и обезопасить капиталы мистера Ханта. Он оказывает им финансовую и моральную поддержку — в основном моральную, ибо трястись он не любит и заботливо охраняет свои груды золота. Своеобразно усопший сенатор Джозеф Маккарти, чье имя во время наихудшего периода «холодной войны» было синонимом антикоммунистической истерии, получил от Ханта благословение и поддержку. Хант пыталась выдвинуть ультраправленного генерала Эдварда Уокера в губернаторы Техаса, а потом с божьей помощью и в президенты. Когда эти несбыточные надежды рухнули, Хант увидел спасителя Америки в Барри Голдуотере, ультраправом кандидате республиканцев на пост президента в 1964 году.

По лицу мистера Ханта не скажешь, что у него на уме и на сердце. Один из его биографов говорит, что он похож на священника или профессора. Я встретил однажды Ханта в вестибюле отеля «Фонтенблэй» в Майами, во Флориде, во время последнего национального съезда Республиканской партии в августе 1968 года. Покрытый флоридским загаром, оттененным венчиком белых волос, он спокойно излагал свою политическую философию. Собственно говоря, он пересказывал тезисы своей книги-утопии «Альпака», этой библии денежных королей.

По идее Ханта, право голоса должно принадлежать только миллионерам. Прочую же публику, особенно живущую на всяческие пособия, не следует допускать на мюль к кабинам голосования. Хант панически боится, что диктатура доллара подвергнется угрозе — даже со стороны младенцев Далласа, которых нянчат агенты «красного заговора».

У мистера Ханта есть и другие странные идеи. Он помешан на медицине. Одна из многих товаров его многочисленных предприятий — лекарство, именуемое «гастромагия». Хант даже прицепил к своему автомобилю плакат, рекламирующий волшебные свойства этого препарата. На столе в кабинете Ханта лежит фотокопия письма какого-то благодарного покупателя, сообщающего, что таблетки «гастромагии» рассеяли «газ, который скапливается у меня в кишечнике в течение двух лет». Хотелось бы надеяться, что со временем будет изобретено лекарство под названием, скажем, «психомагия», которое устранит пласти газов, десятилетиями дававших на мозги престарелых далласских мультимиллионеров.

Возможно, мистеру Ханту великолепно удается сохранять невозмутимость на своем лице благодаря тому, что он заядлый и закоренелый картежник. У него репутация человека, которому чертовски везет в покер. А первое правило успеха в этой игре — каменная физиономия при любом раскладе. Это правило сослужило Ханту хорошую службу, когда дело касалось карт и аренды нефтяных участков. Но в политике он провалился, несмотря на свою обманчиво добродушную внешность. Он делал ставки на многих ультраправых тузов: Маккарти, Уокера, Голдуотера и других — и ни разу не сорвал куш. В политике маска игрока в покер не помогает. Всем видно, что этот джентльмен из Далласа больше подходит Берлину 30-х годов, чем Соединенным Штатам 60-х.

Рисунок Л. САМОЙЛОВА

насекомые, угроза обвалов.
Однако о создании «Кировского общества защиты людей, обитающих в трущобах», пока что не слышно.

МОНТАГОМЕРИ (штат Алабама, США). На выставке модернистского искусства под одной из «картин» стояла следующая подпись, составленная самим художником:

«Любой из вас, господа посетители, несомненно, мог бы нарисовать что-нибудь в этом роде. Но хватит ли у вас для этого нахальства?»

БОНН. Западногерманский математик профессор Бернгард Трайш, прибегнув к помощи электронной счетно-вычислительной машины, установил, что речи федерального канцлера д-ра Курта Кизингера очень монотонны: «Его словарь никогда не достигает минимума, обязательного для интеллигентного человека, — 600 слов».

Что ж, со снудостью лексикона герра Кизингера еще можно было бы примириться, если бы он говорил без реваншистско-милитаристского акцента...

ЛОНДОН. «Если бы мы были четвероногими, то Кировское общество защиты животных уже давно задало бы кое-кому жару за дурное обращение с нами». Эти слова принадлежат мистеру Томпсону, председателю комитета жильцов трущобного района Восточного Лондона. Действительно, жить там незавидно: грязь, крысы,

На ошибках учатся — так считает британский историк мистер Ричард Ульман. И мы с ним вполне согласны. Ульман написал поучительную книгу под названием «Англия и гражданская война в России в 1918—1920 гг.». Лондонская газета «Обсервер» дала рецензию на труд историка. Мы позволим себе прокомментировать и книгу и рецензию.

ПОУЧИТЕЛЬНАЯ

КНИГА

«Из всех иностранных государств Англия была наиболее активным участником кампании по свержению власти большевиков», — пишет Ульман. «Таким образом, — комментирует «Обсервер», — в военной интервенции политика Англии играла ведущую роль, которая, однако, не привела ее к славе, что и показывает мистер Ульман в своей книге с истинным мастерством и не без литературного изящества».

«Черчилль наиболее рьяно выступал за интервенцию — за массированное наступление на Москву союзных армий и установление ими по своему выбору демократического правительства. Но поскольку таких армий не было, Черчилль был готов и на использование немецких войск. Он говорил: «У немцев есть возможность искупить свою вину — для этого они должны свергнуть большевистский режим... Это будет для Германии первым шагом на пути к объединению со всем цивилизованным человечеством».

Судя по рецензии в «Обсервере», английский историк лишь вскользь упоминает главную причину провала интервенции, а именно основательный пинок, который нанесла молодая революционная страна незванным гостям. Он больше налагает на разногласия в стане контрреволюционеров.

«Английские войска в северной России хотели вернуться домой. Белые войска на юге России расписывали и разворовывали поставки армии вместо того, чтобы использовать их в войне. Сэр Генри Вильсон, глава имперского штаба, настаивал на использовании всех средств Англии для борьбы с большевизмом в самой Англии».

Весьма трезвыми словами заканчивает «Обсервер» обзор книги Ричарда Ульмана:
«Исторические исследования иногда имеют прямое отношение к современным событиям. Так происходит и с данной книгой. Смысль ее в том, что иностранная интервенция не самый лучший способ содействовать распространению демократии. Возможно, мистер Ульман писал свою книгу с оглядкой на Вьетнам».

Мы, конечно, обеими руками за мастерство и тем более за литературное изящество, особенно когда речь идет о признании английским историком бесславного провала внешнеполитической авантюры британских правителей.

Легко представить себе, какое «демократическое» правительство посадила бы на шею народам России империалистическая военщина, если бы народы России под руководством большевиков сами не дали по шее иноземной рати. Что же касается планов покойного сэра Уинстона использовать немцев для своих целей, то эта навязчивая идея преследовала его всю жизнь. К примеру, в 1945 году британский премьер распорядился тщательно собирать оружие расколошмаченного вермахта для того, чтобы «в случае необходимости» вложить его в руки немецким военнопленным и погнать их против Советской Армии — освободительницы Европы.

Ну, это уж вы, мистер Ульман, извините, несколько преувеличили насчет воровства в белой армии. Нет-нет, упаси бог, мы не собираемся делать из беляков непорочных ангелов, но воровство воровством, а львиная доля британских поставок использовалась по назначению — в добром английском сунке, с патронами, сработанными в городе Бирмингеме, шли в атаку белогвардейцы на красноармейские цепи.

Возможно, с оглядкой на Вьетнам. А возможно, и с оглядкой на своего соотечественника — британского министра обороны мистера Хили. Мистер Хили, как известно, подражая не лучшим политическим маневрам Черчилля; не прочь иной раз погрозить кулаком в нашу сторону. В качестве успокаивающего средства ему можно прописать чтение на сон грядущий книги Ричарда Ульмана.

— Я рад, что наши интересы переплетаются.

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО

МИМОХОДЫ

Трудно войти в историю, зато выход из нее свободный.

К делу подходил трезво, если, конечно, ноги держали.

Выведенному за ушко да на солнышко не до загара.

Л. МИТИНЦКИЙ

Есть люди, которые запросто добрались бы до вершины, сумей они выбраться из ямы.

Глеб АВАБИН

Из мемуаров ловеласа: сколько Лен, сколько Зин!

В борьбе за модный цвет волос она потерпела поражение.

В. ЗАВАДСКИЙ

Лучше уметь не пить, чем уметь пить.

Громче всего обычно требуют тишины.

Берегите женщин! Кто, кроме них, побежет мужчин?

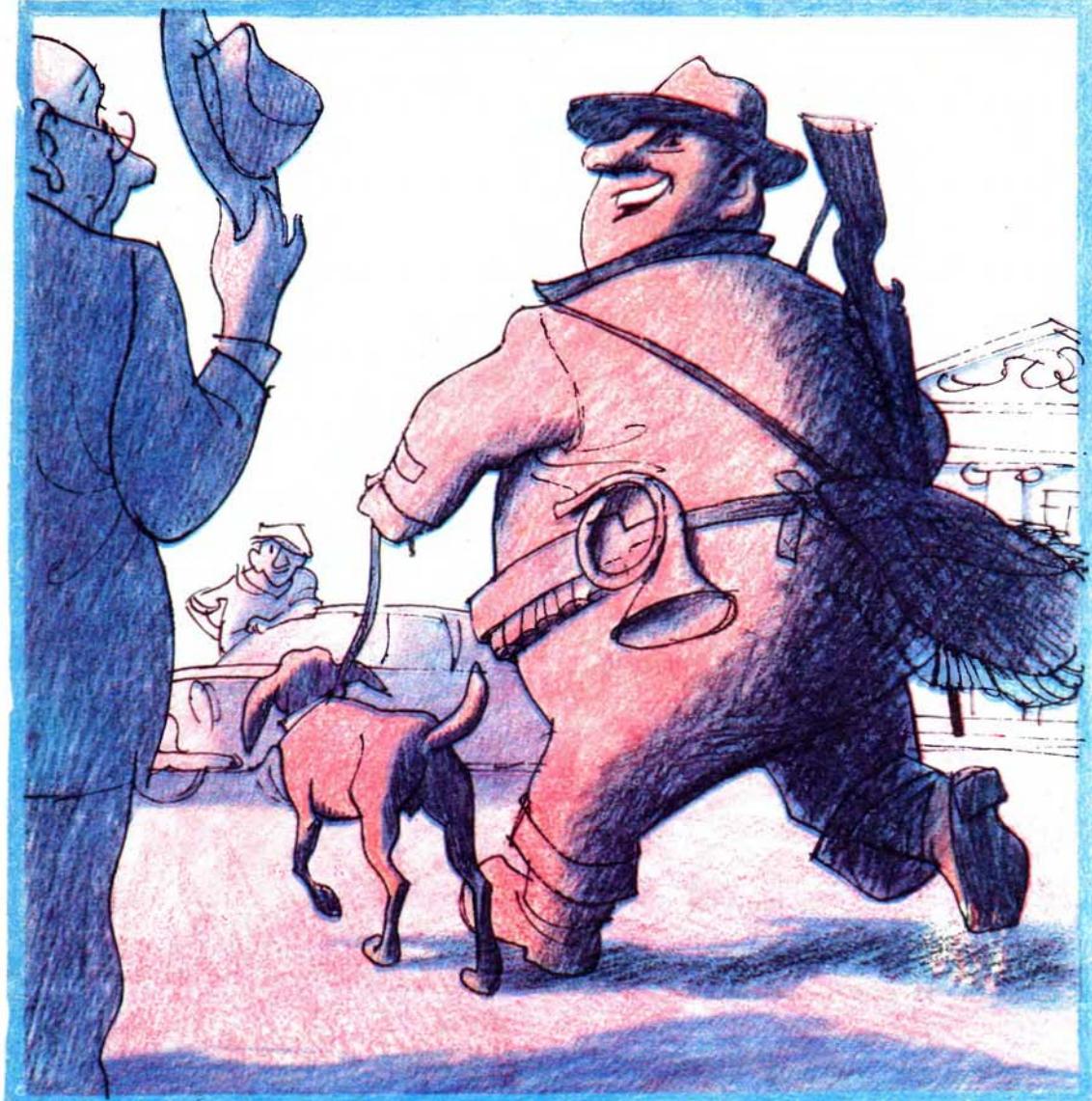
В. ЛОМАНЫЙ

Не раз решенная проблема.

— Сегодня уже нельзя писать так, как двадцать лет назад,— поделился опытом клеветник.

Образование: незаконное высшее.

Вал. ДЕВЯТЫЙ

— На охоту?
— В командировку.
— С собакой?!.
— Со служебной.

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА

Миниатюры

Самиг АБДУКАХХАР

СЕКРЕТ УСПЕХА

Газета напечатала Пoэта.
С рассвета
Он атаковал киоск.
Он всем соседям рассказал про это.
Потом газету
каждому принес.
Все говорят:
«Давайте поскорее!»
Все кланяются, все благодарят...
Идет газета прямо нарасхват.
А в ней —
Тираж последней лотереи!

Перевел с узбекского А. НАУМОВ.

Виктор МЕДВЕДЕВ

ЧТО ПОСЕЕШЬ...

— Вы тщательно пашете, вспашка такая
Прибавит вам добрую часть урожая!
— От трактора ищем мы в пашне детали,
Которые в прошлом году растеряли...
г. Свердловск.

Василий СОКОЛОВ

СПЛЕЧА

С березами у сосен вышел спор.
Уладить спор был послан к нему топор.
Топор сплеча любой решал вопрос.
Тех сосен нет.
И нету тех берез.

В ДЕНЬ ПОЛУЧЕНИЯ ПЕНСИИ

За бабкой внучек ходит по пятам:
— Дай трешку.
С первой пенсии отдам.
г. Новгород.

Михаил ИЛЯХИНСКИЙ

СОЗНАТЕЛЬНЫЙ

Спешил до службы в горло влить:
— Нельзя же на работе пить!

СМИРЕННИК

В гостях и киске
Не скажет «брьсы»,
А дома миски
И стулья — вдръзг.

г. Феодосия.

Павло КЛЮЧИНА

ПОРАБОТАЛ ГОЛОВОЙ

Баран один,
Который бился лбом о тын,
Устав, промолвил:
— Каждый день заботы!
Аж голова трещит после работы!

Перевел с украинского А. КОСТОВЕЦКИЙ.

КЛЯТВОПРЕСТУПНИКИ

Профессор палеонтологии Клаксонов умирал. Ему было восемьдесят шесть лет. Слабеющей рукой он поманил к себе сына и довольно внятно сказал:

— Викентий, прошу тебя, сдай, пожалуйста, в библиотеку книги, которые я взял тридцать лет назад... и я умру со спокойной совестью...

— Клянусь, что я их сдам, отец!

После смерти отца Викентий ходил убитый горем, потом подоспела свадьба, дети, диссертация, развод... Свою клятву он вспомнил на смертном одре, дожив до семидесяти лет.

— Веря, — сказал он дочери, — я поклялся твоему деду, что сдам библиотечные книги. Теперь вся надежда на тебя!

— Твои желания для меня закон, отец! Можешь не тревожиться!

Жизнь закружила Веру со страшной быстротой. Когда пробыл ее последний час, она сказала своему сыну:

— Эдик, обещай мне, что ты сдашь в библиотеку книги, взятые твоим прадедом. Они в красном шкафу.

— Железно обещаю тебе, что я их сдам! Ведь позор лежит на всем нашем роде! — заявил я.

И я в самом деле сдержал свое слово. За это время книги, разумеется, стали библиографической редкостью. Но еще большей редкостью стал я сам.

г. Рига.

КОРОТКИЕ РАССКАЗЫ

Ласло ТАБИ

О ПУНКТУАЛЬНОСТИ ЖЕНЩИН

Когда хромает дисциплина.

Рисунок Е. ГУРОВА

— Где вы так страшно проступили?

— Вчера я битый час просидел на скамейке в парке.

— На таком диком морозе? Вы с ума сошли!

— До этого не дошло, слава Богу. Я просто схватил насморк.

— А почему вы сидели в парке?

— Если у вас есть время, так и быть, расскажу.

— С удовольствием послушаю.

— Тридцать лет назад я влюбился в прекрасную девушку. Ее звали Иоланкой. Я ее просто обожал, да и она мне симпатизировала. Обычно мы встречались в парке за старой крепостью. Все было бы хорошо, если бы Иоланка была покукуратнее. Она опаздывала то на час, то на полтора. Иногда просто не приходила. Из-за этого мы постоянно ссорились.

— Понимаю. Но почему вы вчера сидели на скамейке?

— Подождите. Однажды, когда неаккуратность Иоланки довела меня чуть не до грани безумия, я сказал ей: «Милая! Мне все равно в какой день мы встретимся, но будь точна! Я примирюсь даже, если ты скажешь, что мы встретимся в четыре часа дня пятнадцатого января тысяча девятьсот шестьдесят восьмого

года, но изволь явиться точно в четыре часа дня». Это я сказал в тысяча девятьсот тридцать восьмом году. И представьте, она обиделась!

— И что дальше?

— Она сказала: «Ладно, значит, на этой же скамейке в четыре часа пятнадцатого января тысяча девятьсот шестьдесят восьмого года». И покинула меня. Это случилось тридцать лет тому назад. Так кончилась наша любовь.

— И вчера ровно в четыре вы ждали ее на той же самой скамейке, что тридцать лет назад?! Я же говорю, что вы сумасшедший.

— Я не мог поступить иначе. Ведь мы договорились, а если я хочу приучить ее к точности, то и сам должен быть пунктуальным.

— Да, но тридцать лет спустя! Вы хотели слышали с тех пор о ней?

— Сначала слышал. За ней ухаживал зубной врач, она вышла за него замуж. Молодые переселились куда-то в Деречке, но брак их не был счастливым, она разошлась с мужем и вышла за циркового метателя ножей, с которым обвездила весь мир. Последний раз я получил от нее открытку из Тринидада, где ее муж пользовался большим успехом.

Это было лет двадцать пять назад. С тех пор я ничего о ней не слышал.

— И все же вы вчера уселись в парк на скамью?

— А что я мог поделать? Иоланка ведь не отказалась от свидания, а я все время помнил об этой дате. Переписывал ее в каждый новый календарь. В этом году я с большой радостью увидел, что наступил условленный год.

— И сели на скамейку?

— Да. Как бы это выглядело, если бы наконец она явилась вовремя, а меня бы не было?

— Но за двадцать пять лет с Иоланкой столько всего могло произойти! И вы не подумали, как изменилась эта прекрасная девушка с тех пор? Если она вообще жива...

— Выяснилось, что она жива и не изменилась.

— Она все-таки пришла на свидание?

— Нет. Когда я просидел целый час, она прислала с посыльным записку, что сегодня прийти не может, потому что должна отправиться к парикмахеру.

...Очень плохо, что так все получилось, потому что пострадали ни в чем не повинные люди.

А происшествие выглядело так. К соседям позвонили. А потом постучали. Потому что Мария Саввишина не сразу открыла дверь: переодевалась, собираясь уходить в театр на репетицию. А муж ее, Анатолий Прохорович, брался в ванной. Он тоже хотел идти по делам.

На пороге стояли двое незнакомых молодых людей. Один — высокий, с бородой а-ля Хемингуэй, другой — маленький, бритый, но совершенно нестриженый. Волосы его ниспадали на воротник пальто и загибались вверх. Высокий — мрачный, глаза смотрят вниз. Маленький — со стыдливой улыбкой, глазки бегают туда-сюда. В руках — чемоданчик.

— Мы из ЖЭКа, — сказал маленький. — Как у вас с паркетом?

— С паркетом? — переспросила Мария Саввишина. — Да не очень хорошо: кое-где лежит неровно, кое-где отшел... А вы посмотрите, проходите.

Молодые люди стали снимать ботинки.

— Да вы в обуви.

— На улице, знаете ли, грязно.

— Ничего, мы как раз собираемся уборку делать.

— Нет, нет, мы грязнить не имеем права.

В пальто и в носках они походили по обеим комнатам, покрывали ногами паркет и сказали, что неисправности они, если хозяева не возражают, могут устранить сейчас же. Записываться на очередь нет необходимости.

— Я вот только уходить собралась...

— А ваш муж?

— Если не долго, муж подождет.

Саня, готовь инструмент! — сказал высокий низкому.

— Веня, начинай! — сказал низкий высокому.

Они работали артистически, и скоро паркет в первой комнате нельзя было узнать. Перед тем, как перейти в соседнюю комнату, они замели стружки на газету.

— Где тут у вас мусоропровод?

— А вы оставьте. Мы уберем.

— Нет, нет. Мы работаем, мы на ourselves, мы и убрать должны.

Супруги любовались идеальной поверхностью паркета.

— Ну, теперь у нас пол, как в Конном зале!

— Мастера! И что удивительно, из ЖЭКа! Жэковские обычно так не работают...

Борис ЕГОРОВ

Дядьки в ватниках

— Нет, не работают. Если электропроводку чинить, придут — штукатурку обрушат, обои пообдерут; если что подправить или подкрасить — такую грязь разведут, за неделю не отмоешь. И делается все кое-как...

— Да, да. Кое-как. И глины на ногах принесут...

— А эти даже ботинки сняли. И вон как стараются! Даже подозрительно.

— Что подозрительно?

— Может, они не из ЖЭКа? Может, они жулики? Сначала приглядываются, а потом явятся с тайным визитом?

— Что ты, что ты, Толя!

— А все-таки лучше проверить. Ты узнай, Маша, между прочим, у кого они были в нашем доме, кого знако...

Выйдя к мастерам, Мария Саввишина сказала:

— У нас-то паркет, наверно, хуже, чем у других. Или он во всем доме такой? Вот как, если сравнить, у кого вы были...

— У врача зубного в соседнем подъезде...

Анатолий Прохорович позвонил врачу, которого хорошо знал:

— У меня паркетчики работают. Сканько ты им платил?

Никаких паркетчиков у врача не было.

— Тут действительно нечисто! — вскричалась Мария Саввишина. — Нет, Толя, я не могу уйти и оставить тебя одного с ними... Я хоть драться не умею, но кричать могу.

— Стой, стой, позвоним в ЖЭК. В ЖЭКе о паркетчиках тоже ничего не знали.

— Но тогда вы кто-нибудь придите к нам. Их двое, чужих, и нас двое, — шепотом говорила в трубку

Мария Саввишина. — Кто? Дворник? С милиционером случайно оказался?

Саня и Веня тем временем окончили работу, собрали последние стружки, уложили инструмент в чемоданчик и стали надевать ботинки.

— Принимайте работу. Не забудьте о мастерах!

— Сколько мы вам должны? — твердо спросил Анатолий Прохорович, слыша, как в подъезде загудел лифт с дворником и милиционером... — На пол-литра с закуской каждому?

— Сколько дадите, — скромно ответил Саня.

Едва мастера получили десятку, как в дверь вошло подкрепление. ...Подозрительные оказались студентами, которые захотели заработать честным трудом. Никаких коварных планов у них не было.

Но раз появился милиционер, значит: «Предъявите документы! Ах, нет? Тогда пройдемте. Учитеся? Где? Будем выяснять. Приводы были? Судились? Проверим. Как оказались в чужой квартире? Почему выдавали себя не за тех?»

За работников ЖЭКа Саня и Веня выдали себя потому, что «так проще». Не хотелось объяснять, что мы, мол, студенты, пониздерились, сами понимаете, стипендия не Нобелевская премия...

А что же их подвело, чем они навлекли на себя подозрение? Только тем, что работали хорошо (фамилии их я не называю, потому что ребята и так пострадали безвинно).

Эта история толкает на размышления. На размышления о халтуре.

В одной из старых книг можно прочитать: «У духовенства различались доходы: парофиновые и хал-

туриальные. На юге России халтурой называлась плата за требу (богослужение по частному заказу), исполненную вне своей епархии. Слово это через певчих перешло к оркестрантам». Далее — к актерам. И пошло гулять.

Потом халтурой стали называть низкопробную, никудышную работу. И вот я думаю: правильно ли это?

Некоторое время назад я поселился в новом доме. Прошел год, и во многих квартирах потекли регистры — трубы отопления в ванных.

Оказывается, когда их устанавливали, они не были новенькими. Они были старенькими, но подкрашенными.

Как только регистры потекли, так в двери квартир застучали дядьки в телогрейках:

— Хозяин, не нужен ли вам регистр?

— Сколько стоит?

— Сорок рублей.

— Вы что, с ума сошли? За трубу, гнутую на коленке, сорок рублей?

Наконец один предложил мне регистр за двадцать пять.

— А хороший? Без брака?

— Что ты, хозяин! Из нержавейки. Прямо с завода.

И дядьки в телогрейках начали повсеквартирно устанавливать новые, добродушные регистры.

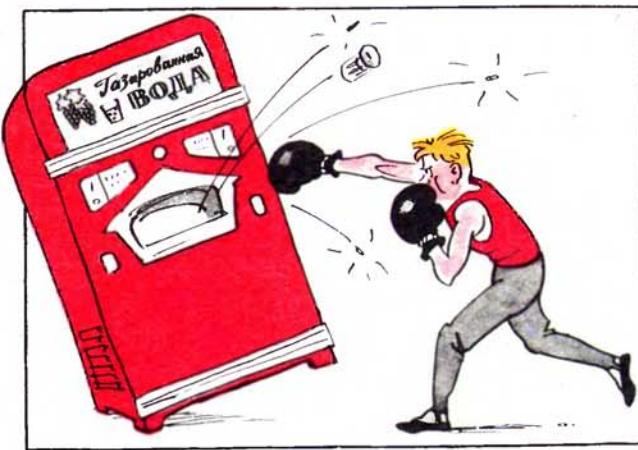
Они работали «вне своей епархии», их доходы были «халтурными», а работа по качеству хорошей.

Строители же работали в «своей епархии», выполняли свои прямые обязанности, а работа была дрянной. Вот и выходит, что халтура, работа на стороне, выполняется лучше основной. Халтура — значит не халтура, а то, что не халтура, — на самом деле халтура. Что же делать? Значение слова менять?

Нет, пусть уж оно остается в своем прежнем значении. А «халтуральным доходам» надо объявить войну.

Дядьки в ватниках не будут стучаться в двери тогда, когда другие люди будут честно выполнять свою прямую работу, прямые обязанности. «В своей епархии». Чтобы никто ни за кого не доделывал, не «доводил» — ни квартиру, ни телевизор, ни костюм, ни мебельный гарнитур. Тогда исчезнет «левая» работа. Короче, речь идет о качестве и об отношении к труду, о воспитании ответственности за выполняемое дело, о трудовой сознательности.

А Саню и Веню жаль. Раз уж назывались эжиковцами, надо было трудиться похуже и не снимать с ног грязных ботинок.

Тренировка.

Рисунок В. ЖАРИНОВА

— А главное, моя песня легко переводится на иностранные языки...

Рисунок В. ТИЛЬМАНА

Рисунок Г. ОГОРОДНИКОВА

Рисунок Е. ГОРОХОВА

Роман КОГАН

УДРУЖИЛА...

Сосед по квартире
Степанов Кирилл,
Сказать откровенно,
Отчаянно пил.
Бывало, приходит
С работы домой,
Вступает с женой
И соседями в бой.
В милиции был
И не раз и не два.
Ужасно шальная
Была голова.
Но вот перестал
Дебоширить Кирилл,
Как будто бы
Кто-то его подменил.

Недели проходят,
Не пьет он вина.
Соседи довольны,
Ликует жена:
— Кирилл у меня
Симпатичный, толковый.
Ему козыряет
Сам участковый...
— А что повлияло,
Скажите, на мужа?
И женщина так нам
Ответила тут же:
— Вы знаете, просто
Ему надоело.
Кому по душе
Алкогольное дело?

Друзья осуждают,
Местком обсуждает,
Милиция строго
Предупреждает.
Статью написали
О нем в стенгазете...
Как действуют меры
Моральные эти!

...Жена в магазин
Посыпает Иринку:
— Купи сахарку,
А отцу — четвертинку.
Вернулся с работы
Трезвейший Кирилл
И взгляд удивленный
В бутылку вперил.

Жена улыбается:
— Вылей, Кириша,
Потом с аппетитом
Пельмешки покушай.
Кирилл ухмыльнулся,
И выпил Кирилл.
И что же потом?
Всю неделю кутили.

...Друзья осуждают,
Местком обсуждает,
Милиция строго
Предупреждает...

Новгородская область.

Димитрие БЕЛИЦА,
шахматный обозреватель

ВЕСЕЛЫЙ ТАЙМ-АУТ

Как черные поля чередуются на шахматной доске с белыми, так чередовались драматические моменты борьбы за шахматную корону в матче Петросян — Спасский с эпизодами, вызывающими улыбку.

ПРЕТЕНДЕНТЫ-БЕЗБИЛЕТНИКИ

Сосредоточенно думая о предстоящей партии, Борис Спасский явился в Театр эстрады и только тут обнаружил, что забыл дома пропуск. В полной уверенности, что его лицо знакомо контролерам театра, он смело направился по входу. Не тут-то было! Пожилая билетерша остановила его и сказала:

ЗВОНОК ПОСЛЕ ПОЛУНОЧИ

Ход матча волновал сотни тысяч болельщиков, но еще больше — копиреев шахматного искусства, Михаил Ботвинник не присутствовал в зале Театра эстрады, но регулярно по телефону получал сведения о каждом ходе. Громкий смех раздался в пресс-центре, когда товарищ, передавший Ботвиннику 19-й ход Спасского в 14-й партии, услышал сердитый голос экс-чемпиона мира:

— Молодой человек, если вы хотите присутствовать на матче Петросян — Спасского, — потрудитесь приобрести билеты...

— Я, ей-богу, не знаю, Михаил Михеевич, — растерянно ответил журналист.

В ту же ночь, после полуночи, в квартире гроссмейстера Флора раздались резкие междугородные телефонные звонки. Гроссмейстер вскочил с постели и поднял трубку.

— Говорят Амстердам. На проводе гроссмейстер Эйве...

— Слушаю вас!

— Здравствуйте, дорогой Флор! Скажите, это, наверно, ошибка телеграфа, будто Спасский сделал ход королем — «б4»?

— К сожалению, это так же точно, дорогой Эйве, как и то, что сейчас в Москве часа ночи и я уже давно спал! — ответил Флор.

17 ПЕТРОСЯНОВ И 15 СПАССКИХ...

Вот уже более десяти лет я беру интервью у Петросяна и Спасского (как, впрочем, и у других шахматных звезд) на всех крупнейших соревнованиях. В этом году в Москве я пережил нечто необычное.

Шахматный клуб МГУ пригласил главного арбитра нынешнего матча О'Келли и меня, как членов постоянного международного жюри журналистов, присущающего звание «Лучший шахматист года», на встречу с шахматистами университета. Мы приехали. Каково же было мое удивление, когда интервью пришло на сей раз давать мне! Причем спрашивали меня ни больше ни меньше — 17 Петросянов и 15 Спасских, одиночников замечательных шахматистов!..

Наша беседа была очень интересной и продолжалась около двух часов. Когда же наконец я получил возможность задать вопрос, я сказал:

— Вероятно, судя по количеству одиночников, среди вас больше болельщиков Петросяна?

Ответ оказался неожиданным:
— Нет, болельщик делится по-ровну!

Выяснилось, что один из Петросянов болеет за Спасского...

С сербскохорватского перевел
Георгий МАРКОВИЧ.

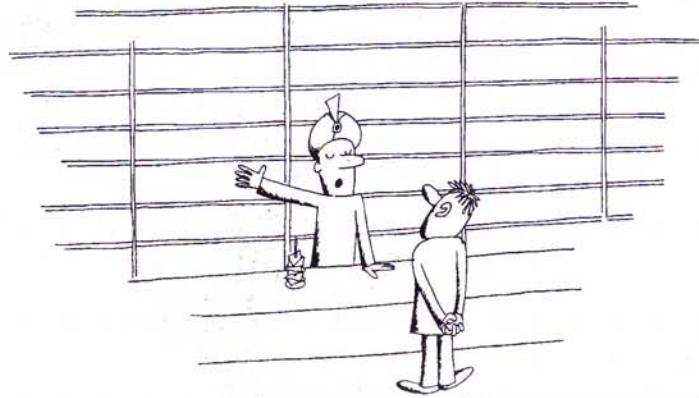
— Видишь, говорил — криво кладем!

Рисунок С. СПАССКОГО

На раскопках через тысячу лет.

Рисунок И. СЫЧЕВА

— Шапку-невидимку? Пожалуйста, вам какую?

Рисунок А. СЕМЕНОВА

МИНИСТЕРСТВО СЕЛЬСКОГО
ХОЗЯЙСТВА РСФСР

ТОМСКОЕ ОБЛАСТНОЕ
ПЛЕМЖИВОБЪЕДИНЕНИЕ
ПО ЗАГОТОВКЕ СБЫТА
ПЛЕМЕННЫХ ЖИВОТНЫХ

Фото Данченко.

г. Томск.

НАРОЧНО НЕ ПРИДУМАШЬ

«В нашем совхозе выращена большая армия овощеводов как в закрытом, так и в открытом грунте».

(Из выступления.)

Записал В. МАРТЫНОВ.

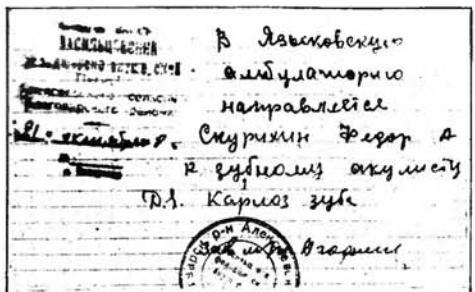
г. Рубцовск.

«Объяснительная

Я, Трушкина Л. П., не выходила на работу, потому что вышла замуж, правда, причина неважная, но больше этого не будет».

Пришла А. МЕДВЕДЕВСКИХ.

г. Экибастуз.

Пришла А. Мельников. Башкирская АССР.

Цена номера 12 коп.
Индекс 70448

Монополии США контролируют десять процентов английской промышленности.

В ДОЛЛАРОВЫХ КАПКАНАХ

Рисунок Юлия ГАНФА